

Сердце тьмы

Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас заглядывать в сердце тьмы.

Барак Обама

Мы не нанесли поражения идее. Мы даже не понимаем эту идею.

*Майкл Нагата, командующий USASF
на Ближнем Востоке*

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэндфордского университета, я набрел на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый Мыслитель, правда, в иных пропорциях и своеобразном окружении. Основой же композиции были гигантские медные двери, а сидящий над створками Мыслитель смотрелся как-то иначе, нежели его привычный образ. Нечто остро-тревожное чувствовалось в этом незавершенном творении мастера: скульптурный ансамбль на площадке калифорнийского кампуса являл то самое, сакраментальное «Оставь надежду, всяк сюда входящий...». Но, думалось, вовсе не Данте изображает расположившаяся в тимпане фигура.

Право на будущее

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное, возможно, перманентно подвижное состояние. Сложившееся мироустройство пребывает в кризисе, его политическая основа — национальное государство утрачивает актуальность. Господствующий тренд — обширная реконструкция миропорядка, универсальная трансформация.

НЕКЛЕССА Александр Иванович — заведующий Лабораторией «Север — Юг» Института Африки РАН; председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

В основу статьи положен текст доклада, сделанного автором на конференции «Арабский кризис: новые вызовы» (Институт Африки РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Москва 26—27 ноября 2014).

Ключевые слова: будущее, кризис, транзит, модернизи, мироустройство, политическая организация, империя, национальное государство, культура смерти.

2014 год предъявил находящейся на распутье цивилизации три драматичные ситуации, ставшие тестом, испытанием жизнеспособности и отчасти намеком на возможные траектории будущего. Успешное купирование эпидемии Эбола, грозившей перерасти в пандемию, а затем установление контроля над очагами инфекции на африканском континенте продемонстрировали силу современной цивилизации, действенность ее инструментария, эффективность применяемых методов и средств. Череда событий на юго-востоке Украины выявила слабости современного строя, огрехи миростроительства последних десятилетий, несовершенство среды безопасности¹. Наконец, провозглашение и экспансия «Исламского государства» обозначили эскиз альтернативного мироустройства, неспособного и нежелающего сосуществовать с современным миропорядком.

Во что обратится мир, когда перемены достигнут апогея — «империи рухнут, и армии разбегутся»? Станет *Novus Ordo* благом, мирным соседством льва и лани, согласно провидению Исайи? Или нынешний транзит — пролог другого, иоаннова апокалипсиса: неопределенного по времени эона, извлекающего из лабиринтов неоархаики и глубже — «тьмы над бездною», сумеречные сюжеты? Что окажется доминантой процесса: сложный мир высокотехнологичного, постиндустриального космоса или трансграничный конгломерат мирового андеграунда? Станет ли это концом цивилизации или еще одним, очередным зигзагом истории?

Будущее — особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время — субстанция, казалось бы, столь органичная для данной категории — понимается несхожим образом, да и течет оно для разных субъектов с различной скоростью. Роберту Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного — в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности; но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим недействительное положение вещей.

Мастерство прозорливости — способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее, удерживаемое омололенным сознанием в скорлупе памяти и веригах прошлого. Остро востребованным оказы-

¹ Сейчас «мы сталкиваемся с геополитической ситуацией, которая, вероятно, самая опасная с окончания Второй мировой войны: хаос и экстремизм на Ближнем Востоке, российская агрессия и экспансия, ослабление Европы, которое подогревается ростом безработицы, что является результатом неспособности принять структурные реформы во многих странах, которые входят в состав Европейского Союза» (Джейкоб Ротшильд, председатель траста RIT Capital Partners, о годовом отчете за 2014 год. — См. www.vestifinance.ru/articles/54261).

вается умение видеть неочевидный, непрописанный и потому неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную способность гоголевского Вия прозревать в мире живых недоступное зрению обыденных духов. Однако удостовериться в предсказаниях лукавого оракула, вовремя разгадать смысл прорицаний, извлечь прогноз из двусмысленного языка удастся далеко не всегда.

Социальный космос испытывает давление мотивированных организованностей, широко использующих средства, созданные технической цивилизацией. Борьба за будущее разворачивается не только в сфере политики или экономики, финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и технологических решений — происходит столкновение мировоззрений, стилей жизни, кодексов поведения, сосуществующих, но не сопрягаемых в системе исторических координат. Конструктор будущего (нередко он же — антагонист актуальной власти) — пассионарная, суверенная личность/ группа личностей, порою асоциальная по отношению к сложившейся форме общественных связей или, по крайней мере, критически

Инициаторы футур-исторического процесса, впитав с пользой для себя достижения индустриальной культуры, проектируют масштабные реконструкции миропорядка, переиначивая смысловые параметры уходящего мира.

настроенная, либо отмеченная дерзким прочтением дорожной карты перемен. Эта «малая динамичная общность», молекулярное сообщество — закваска, с пользой для себя впитавшая достижения индустриальной культуры, — совершает культурную и социальную революцию, подрывая бастионы повседневности и обрушая смысловые опоры уходящего мира: «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку <...> Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации <...> или создать таковую — с ее собственными законами, т. е. контробщество»². Критический вопрос — о векторе транзита.

Целеполагание постсовременных конкистадоров напоминает русскую матрешку, а наличие оригинального мировидения является важным преимуществом, провоцируя максимум усилий вплоть до акций, категорически запрещенных прежним моральным кодексом. Инициаторы футур-исторического процесса, впитав с пользой для себя достижения индустриальной культуры, проектируют масштабные

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3 т. М.: Прогресс, 1986—1992.

реконструкции миропорядка, переиначивая смысловые параметры уходящего мира. В транзитном социокосмосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, мультиплицируются и совмещаются на путях к сфокусированной цели³. Соборный субъект перемен, вглядываясь в смутно различимые, если вообще видимые конвенциональному зрению горизонты, определяет пути колонизации будущего. Размыкая обруч государственного патернализма, ограничивая контроль театра и рынка над разумом и языком, человек нарушает пределы программируемых извне поступков. Он расстается с приязнью к структурам повседневности, реализуя метафизическую свободу: выбор между обновлением религиозных прописей, подлинностью в своей приверженности заветам, и действиями вне конфессионального модуса, проявляя сущность, какой бы та ни оказалась. Люди начинают ощущать себя автосуверенами, творцами обширных перемен, произвольно очерчивая секулярные/постсекулярные рубежи театра гражданских действий (социальных и политических инициатив), который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства и без границ⁴.

Диапазон толкований будущего весьма широк, что естественно для пространств и проекций свободы. Даже террористическая активность, индивидуальный или коллективный акт деструкции становятся привычными спутниками нового мира, будучи извращенным стремлением к самостоянию, — это своего рода обугленный остов гражданской инициативы в тотально недружественной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная политическим инстинктом, сама отчуждает подобный строй от бытия даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело тут не в смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах: широких возможностях реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных границ.

Признаки универсальной реконструкции видны в усложнении социополитических композиций, восстании элит, финансовом футуризме, высокотехнологичном произволе, моральном релятивизме, умножении и разнообразии рисков, экспансии неоархаики. Токи отсроченной, теперь уже глобальной революции масс, культурной деколонизации пронизывают не только внешние территории модерни — они проникают

³ «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула “видит” только своих непосредственных соседей и “общается” только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» (Пригожин И. *Философия неустойчивости* // Вопросы философии. 1991. № 6).

⁴ См.: Неклесса А. И. *Будущее и грядущее: кризис современного мира* // Полис. Политические исследования. 2012. № 2; Он же. *Непрерывный плебисцит* // Полис. Политические исследования. 2013. № 2; Он же. *Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации* // Полис. Политические исследования. 2015. № 1.

в ее внутренние пределы. Порой создается впечатление, что локомотив модернизации подвергся атаке, и случившийся в механике сбой грозит направить его под откос⁵. Ялтинский/неоялтинский (хельсинкский) миропорядок, установив границы влияния и правила силовых игр, расчертил Европу — как некогда африканские земли — на геополитические зоны, однако теперь он отходит в прошлое⁶. Цивилизация мутирует и отчасти развоплощается, ее обитатели утрачивают прежний статус, политические, силовые, знаниевые институты трансформируются в облачные и катакомбные комплексы — суммы взаимодействий, реализуемые нелегитимным или частным образом. Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются культурами, толками, орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, полевых командиров, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез.

Политики и эксперты пытаются прочитать карту постсовременности, расположенной по ту сторону Большого социального взрыва, — коль скоро то, что понималось под международными отношениями еще лет двадцать назад, фактически не существует.

Травматическая субсидиарность и крах реинтеграционных утопий

Мир-XXI рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато неожиданными контрапунктами сюжета.

В основе нынешних перемен миропорядка — кризис института национального государства. Антропологический космос продуцирует инновационные формы политической организации: мировые регулирующие органы, страны системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования (квазисуверенные государства), государства-корпорации, негосударственные субъекты прямого и косвенного политического действия, слабоформализованные, но властные сообщества (антропосоциальные структуры), геоэкономические интегрии, бизнес-группы, транснациональные движения, политически/экономически влиятельные «облачные» констелля-

⁵ Ср.: «...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября — удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным поездом тем, кто не хочет на него попасть» (**Fukuyama F.** Has History Started Again? // Policy. 2002. Vol. 18. № 2).

⁶ См.: **Неклеса А.** Трансмутация на историята. 11 септемарври 2001 г. в историческа перспектива и ретроспектива // Философски алтернативи. Philosophical alternatives. 2004. Vol. XIII. № 6; **Неклеса А. И.** Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1.

ции, суммы персональных и коллективных проектов. И даже более экзотичные версии подвижной государственности (state of affairs), лишенной границ и прочных обязательств. В дисперсной трансграничной среде возрастает значение культурных/конфессиональных инициатив, динамичных социогенов, их экспансии, «мемификации», гравитации.

Переживающее кризис национальное государство — колыбель и производное гражданского общества, способного, однако, со временем перейти к автономному существованию⁷. Новый, транснациональный Север, обретая глобальные пропорции и преобразуясь в постсовременной купели, покидает лоно породившей его североатлантической цивилизации, сместив прежнее целеполагание. Третий мир распадается на Новый Восток, Сырьевой и Глубокий Юг, оставаясь персонажем вселенского действия. Многочисленное сообщество афро-азиатских государств продуцирует новое переселение народов, балансируя между сценариями догоняющего развития и собственными социокультурными альтернативами. Предельные рубежи складывающейся системы — высокоорганизованное неономадическое сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), контролируемые полевыми командами, эксплуатирующими ресурсы трофейной экономики.

Нынешний кризис мироустройства затронул как генетические порождения модернити («Большая Европа» от Нью-Йорка до Канберры), так и охваченные/захваченные данной культурой территории, подчас лишь симулировавшие институты национальной государственности без воссоздания основы — гражданского общества. В значительной мере это относится к миру, явно либо скрытно колонизированному, а отчасти — и к инкорпорировавшим его конструкциям.

Институт национальной государственности — продукт экспансии европейской городской культуры, промышленного развития, борьбы с имперской и феодальной чересполосицей, таможенными препонами, политический итог возвращенных по образцу коммун национальных корпораций⁸. XX век, начиная с первых десятилетий, перемалывал остатки имперской державности, производя государственность национальную. Имперские массивы того времени можно подразделить на преимущественно континентальные (Российская, Австро-Венгерская, Оттоманская империи), то есть геополитические ареалы, практически не имевшие открытого доступа к океаническому побережью, либо иначе ограниченные в выходе к мировым коммуникациям (незамерзающие порты, наличие заливов и т. п.). Соответственно и колонизируемые территории данных империй находились в непосредственной близости, сливаясь с телом метрополии. И другой колониальный модус: морские — торго-

⁷ «Сформировавшееся общество — это модель, которая может функционировать не только в оболочке национального государства. Оно может воплотиться и в картине объединенной Европы» (Людвиг Эрхард).

⁸ См. Неклесса А. И. Кризис мировидения. // Полис. Политические исследования. 2013. № 3.

вые, «островные» империи, имевшие непосредственный выход к океанам и теплым водам, обильно обраставшие заморскими территориями. Второй тип империй, избежавший антиколониальной революции на территории метрополии, позже первого вошел в кризисную фазу и оказался конкурентоспособнее при прохождении исторического транзита (rite of passage).

Судьба постимперских политий также разнится: те, у которых проявился дефицит институтов, критичных для модели национальной государственности (парламент, независимый суд, муниципалитеты, другие институции, транслировавшие суверенитет от автократов народам) и социокультурной гравитации (политической нации), после распада империй попадали в водоворот центробежных национальных и социальных революций. Иногда эти осколки имперской деколонизации настигала вторая волна политического цунами, и они оказывались во власти догоняющих волн деконструкции, разрушавших на сей раз локальных империалистов.

Парадоксальным на первый взгляд образом угрозу новой целостности представляют также центростремительные утопии — попытки форсированной реинтеграции былых империй, но уже на иных основаниях, будь то концепты коммунизма или социализма «национального» ли, «арабского», а также манипуляции с культурно-конфессиональным капиталом, используемым в конъюнктурных политпроектах («арийство», «русский мир», «халифат»/«исламское государство»). Все это чревато социальной фрустрацией, а при неудачном раскладе могло спровоцировать следующую («отложенную») фазу распада юной государственности, оказывающейся транзитной (failed state). Состоявшееся же национальное государство сковывает обе тенденции, в то время как кризис идентичности вкупе с идеологическими амбициями высвобождает их.

Разобраться в ситуации помогает анализ генетики как недавних, так и нынешних геополитически проблемных зон:

Большой Ближний Восток. Проблемные территории здесь — Ливия, находящаяся на грани дезинтеграции, с политструктурой, складывающейся на основе «городов-государств», Сирия, Ирак, расколотый Курдистан, Афганистан—Вазиристан—зона племен. Ярким примером трансгрессивной квазигосударственности является подвижная и отчасти рассредоточенная — «архипелажная» политическая конструкция «Исламского государства» (более известного как «Исламское государство Ирака и Леванта» — ИГИЛ). Историческая платформа значительной части данного большого пространства — Османская империя.

Юго-Восток Европы. Здесь остаются проблемной зоной Республика Северного Кипра, экономически дестабилизированная Греция, Пост-Югославия как постфедеративное пространство, где наиболее кризисными ареалами являлись Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово. Историческими предшественниками в предыдущем цикле дезинтеграции были отчасти Австро-Венгерская и та же Османская империи.

Постсоветское пространство. Проблемные зоны — Приднестровье, Крым, «ДНР» и «ЛНР» (Новороссия), Чечня (Ичкерия), Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская республика (Арцах). Эпизодически — районы Таджикистана и Киргизии. Историческая основа геополитического пространства — Российская империя.

Комплексной проблемной зоной является ряд регионов *Черной Африки*: Западная Сахара (САДР), Дарфур, Кордофан, Абьей, Голубой Нил; Северная Нигерия (движение «Боко харам»); Азавад; район к западу от Великих озер, особенно — Восточное Конго, ставшее на рубеже нынешнего столетия зоной Великой африканской войны с участием девяти стран и около 20 армий различного генезиса; калейдоскоп квазисуверенных частей распавшегося Сомали — Сомалиленд, Джубаленд, Авдаленд, Пунтленд, Галмудуг, Нортленд, Маахир и т. п. Исторический субъект организации политической карты континента — колониальные империи: британская, французская, португальская, испанская, итальянская, бельгийская.

Характерные признаки семейства «травматических инклюзий» современной цивилизации:

- политическое пространство «полевых командиров» как распределенное множество очагов власти;
- инволюция к этно/конфессионально ориентированным сообществам-коммунам, «клятвенным союзам», городам-государствам и т. п.;
- ведение перманентных гибридных боевых действий различной интенсивности;
- зыбкие, подвижные границы территорий;
- трофейная экономика как основа жизнедеятельности;
- постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии;
- культурные, конфессиональные, социальные, гендерные, политические, экономические рестрикции;
- социальная неоархаизация, «цивилизационный пылесос»;
- «антропологический пылесос», действующий как внутри данных территорий, так и относительно окружающего мира, формируя специфические антропологические сообщества;
- симптомы «культуры смерти» как воплощение одной из возможных траекторий аксиологического кризиса.

* * *

Социальный космос, расширяясь, меняет статус, переходя в иное, не исключено, перманентно подвижное состояние. Форсаж вселенской реконструкции, рост ставок в глобальном «казино», метастазы мирового андеграунда — признаки и призраки беспокойного зона, во многом отличного от прежних футурологических схем и прогнозов. Культурный шок от столкновения с иным — шанс на радикальную терапию проблем, нерешаемых в привычной системе координат. Человек, однако, способен ошибаться — порой существенно, и

с энергетикой новизны, серьезными социальными сдвигами сопряжен риск, а «тлеющий уголек» хаотизации, способный в час гибели старых богов испепелить корни цивилизации. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует точку невозврата как следствие антропологической сингулярности: Большой социальный взрыв, который способен не только вовлечь человечество в творческий водоворот эволюционного перехода, но и расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников — агентов мультивекторной эрозии.

Триггером вселенского цунами, превращающим трещину в червоточину, может стать некое серьезное потрясение: террористическая акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, электронный коллапс, универсальная пандемия, синектрический максимум...

Духи современности, постмодерна и неоархаизации, соприсутствуя в одном флаконе, инициируют разные программы социальной реализации. Цивилизационная оболочка до поры нивелирует трещины миропорядка, сдерживает разбегание травматических инициатив, противостоя смысловому коллапсу. Но когда прежний солидарный статус человечества критически ослаблен, системы безопасности, даже становясь планетарными, расщепляются и приватизируются кланами. Сценография возможной деконструкции миропорядка отчасти различима сквозь прорехи утопий, и возможность универсальной деструкции человеческого космоса также соприсутствует в списке траекторий исторического сюжета.

Постцивилизация: «Корпорация Земля» vs «Мировой андеграунд»

Наш мир не мультиполярен — он многомерен: люди обитают в предместьях призрачной постцивилизации — распределенном множестве шлюзовых камер освобожденного Франкенштейна.

История, вопреки преждевременным декларациям, не завершилась в конце XX века — судя по всему, она просто меняет русло. То, что мы наблюдаем сегодня: окончание большой паузы, поиск вектора, смена обветшавших декораций, — симбиоз разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порою, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Агентство перемен, действуя поверх барьеров, развивается в плаценте социокосмоса, отрицающего сложившуюся реальность. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие прежнее значение.

Кризис цивилизации — по крайней мере в привычном ее понимании — является обоюдоострой гипотезой, и возникает он в результате либо резкого изменения возможностей, либо культурной капитуляции. Проникая мысленным взором за пределы привычной футурологии, приходится лицезреть не только практикабли светло-будущего, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца. Сквозь оптику современного кинематографа мы наблюдаем дисангелие коллективной психеи: сумеречные архетипы, картины-миражи, проецируемые на земли по ту сторону горизонта. «Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный Undernet — трансграничный андеграунд, объединивший яростных обитателей вселенной. Эти динамичные констелляции активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов. Флюиды раскованного Прометея трансформируют среду, меняют социальные траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломились. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, рая и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса...» Перевод визионерских криптограмм на дисциплинированное наречие затруднителен не только в силу их экзальтации: в прописях перемен ощутим лексический, категориальный, однако никоим образом не феноменологический дефицит.

Взрывоопасная смесь Глобального Юга и Нового Севера постепенно приближается к критической отметке. Для людей чувства гнева, боли, незащищенности не уникальны, но порою они становятся уделом стран и народов: на планете немало мест, где градус страданий за последние десятилетия не снижался, а возрастал. Трухлявая государственность неспособна, да и не стремится обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря уже о случаях откровенного, свирепого геноцида. Страданиями, горечью наполнены сегодня не только конфликтные территории, не контролируемые легитимной властью в Африке или на Большом Ближнем Востоке. Горнило мрачной реальности — проказа фавел и бидонвилей, сумма нищеты и междоусобиц, презрения к достоинству человека, некогда опознанному и признанному цивилизацией: из помеченных трупными пятнами «золотых земель» различных пропорций, кварталов мегаполисов, закрытых для полиции, из перманентной отверженности, ненужности, тоски по невоплощенному идеалу творится лоскутный, трансграничный архипелаг, пробуждая память о пиратских республиках и гнездах ассасинов.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы; признанной целью являются комфорт, статус, безопасность — все, что

укладывается в конструктивные, хотя порой незатейливые формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной дерзновения может оказаться акт «гибели всерьез», причем с последствиями, в сравнении с которыми многие боины показались бы битьем елочных игрушек. И это не пустая геростратова амбиция — темное дерзновение скреплено чувствами, не требующими ярмарочного признания. Если страсть, лежавшая в основании культуры, — влечение к преодолению несовершенств естества, социальному творчеству, симфонии для всех жителей планеты — покидает тело цивилизации, если духи рынка превращают ее в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *per se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретет иные формы. И если жизнь оказывается обременением, порыв к инобытию — *Ultima Thule*, предоставляет изгоем шанс на последнее разрешение.

Рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров — сотрудников и безработных «Корпорации Земля» — добивается изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по существующим процедурам для них бессмысленно. Действуя так, они остаются вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в мировом Совете директоров. В среде уязвленного прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть, перевернуть и сокрушить актуальную власть.

Со временем магистерииум сумеречного эона был опознан: активам жизни может противостоять капитализация смерти — единственный неотчуждаемый от человека ресурс, замещающая конструкцию деструкцией, желание обустроить быт стремлением значимо реализовать смерть. Что наводит на мысль о мировоззрении, ввергавшем в нигилистические бездны своих адептов, находивших в уничтожении земных тел смысл и оправдание бренности. Однако диспозиция изменилась, и персональное утешение становится публичным делом: из катакомб Глубокого Юга, населенных миноритариями «Корпорации Земля», чей козырь — поставленная на кон и эффективно разыгранная гибель, ресурс мирового андеграунда экспортируется в большой социум. Потенциал продукта — предмет игры на повышение: на глобальном рынке извлеченное из сундука Пандоры золото современных нибелунгов оказывается высоколиквидным товаром, по-своему эксплуатируемым политэкономической мегамашиной.

Бурлящая смесь экстремизма и нигилизма насыщается испарениями метафизических болот, нетрадиционных практик, подзабытых традиций. Из пепла социального холокоста восстает порода людей, лишенных былой идентичности и устремленных к выкроенному по иным меркам идеалу. Бурлящая природа их страсти — заря мира, согласившегося на исход из отвергнутой реальности, чтобы, собравшись во тьме долины, воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения.

Неопознанная культура

Где истоки этой отрицающей жизнь тоски, аннигиляционного порыва, выкупающего уничтожением акт освобождения, культуры, чьи адепты — носители искр мирового пожара, последователи и судебные исполнители, требующие невообразимого жертвоприношения в надежде приблизить Суд как финал и апофеоз истории? Отдельные черты нигилистичной культуры различимы в шиваистских культах и почитании Кали, буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме... Однако отчетливее всего ее универалистский потенциал прослеживается в гностическом мировидении. Но что есть гностицизм, и какова его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся на свет мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям нового мира? Каким видится влияние его идей и шире — специфического мировидения, постулатов, прозрений? Какова соответствующая его логике модель универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения — особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства, плохо сделанного, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвижитель, бытию придается тот же механицизм, что у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной фатальной диспозиции деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, рассмотрев ее сквозь призму негативного восприятия вселенной и умопомрачения творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) решение метафизической тайны — генезис разлада между могуществом и благостью, созиданием и благодатью, адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути модель мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности, порождая представление о творце/творении редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое.

Еще один родовой признак — эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство — абстрактное мышление, стремление к умножению миров, нумерологических систем, изошренные операции в дигитальном космосе и его актуальной бесконечности. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия, энергичная попытка умопостижения необъятной абстракции, то есть обретения свободы без эмпатии и жертвенной любви.

Необходимо упомянуть о его тяге к христианству, особенно к апофатической теологии и напряженной практике — исихазму, о двойниче-

стве-оборотничестве, состязательности, соприсутствии на территории «абсолютной религии» схожих душ и умов. Гностицизм по-своему близок христианству как его главный оппонент — «близнец». Иногда различие столь тонко, словно из сферы субстанции оно перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского века, зачинателем осевого времени. Будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур, он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада творчества, любви и свободы. Гностик — безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником прелестного зазеркалья: «мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое». Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения — присущая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, по своему выражающая *Zeitgeist* уплощенной цивилизации и освобождающегося дикарства.

Рискну сказать, что гностицизм — своего рода упрощенное христианство (эрзац, исключивший смирение и «милость к падшим»), что, однако, влечет совсем не простые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко эгоцентризму современного человека, развращенного потребительской логикой, эманациями массовой культуры, обожающему эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить трагедийное усилие (милосердие) не слишком обременительными санкциями и спекуляциями, имеющими, как всякое средство комфорта (в данном случае душевного), коммерческую составляющую. Проекты класса интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре, духовный материализм и умственное утешение оказываются перспективным товаром.

В подобной модели искушениям открывается головокружительный простор — у темной культуры есть свои интимные аспекты, способные резко менять траектории жизни, опрокидывая или выворачивая наизнанку привычную шкалу ценностей.

* * *

Адепты «лжеименного учения» подменяют жертвенное сочетание личности и любви соединением свободы в мире иллюзий с обезличенным знанием. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией.

Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, копия перфекционизм, отрицает живую жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает неподлинное, несуществующее, плодя протезы и утопии, в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его поднять. Смысл христианского

творчества не спиритуалистичен, но конкретен и персоналистичен. Его цель — не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но персона отъединяется от греха (ошибок) и его следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает весь мир, не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциональной сопричастностью и милосердием икономии спасения.

Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство — оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах.

Гностический дуализм предопределил и особую антропологию. Речь идет не о сложных кодах сочетания двух природ в Богочеловеке (как в дохалкидонской полемике), а о неравном достоинстве двух пород, о жестком разделении человечества на избранных и отверженных. Проявление чего — радикальный, обостренный элитаризм и подспудная тектоника проклятых. Представление о дуальности мира проявилось в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом — что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, умствующими животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

В той же купели переосмысливается кровоточивый вопрос Иова о вселенской справедливости и местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для всех, ощутивших глубину «зияющих высот» в теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса эсхатологии. Можно вспомнить слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». Даже шире. Так, почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера» «мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты, «зомби»), то действия в отношении них лишены груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние юдоли зла — ночь творения: распад и аннигиляция мерзости, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории, что на протяжении сотворения человеком своего мира тенью соприсутствует как изнанка свободы, — это шанс перво-

бытного хаоса («тьмы над бездною»): предчувствуя исполнение сроков, он готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики, ахронии и протоистории.

Культура смерти: имплозия неоархаики

В основе череды нынешних драм — шарады и шифрограммы истории, пронизательное прочтение которых — добродетель правителей и долг экспертного сообщества.

Новый терроризм — симптом глубинных социальных и ментальных сдвигов. Наиболее зримо и драматично — как верхушка айсберга — он представлен в эпидемии террористов-самоубийц. У него своя формула воплощения в коллективном бессознательном: взаимосвязь в целеполагании предполагает симпатию, иницируя молекулярную самоорганизацию. Но отрицание полноты личности приводит к человекоподобию (функции), воспроизводя в людском облики обезличенный и достаточно жесткий протокол, посылающий в мир перепоясанных смертью вестников. Феноменология и логика системного террора сравнимы с протеканием инфекционных заболеваний либо поведением перманентно атакуемых популяций. Или с алгоритмами виртуальных агентов наподобие компьютерных вирусов, червей, троянов, предъявляя миру соответствующую стратегию угроз.

Между тем охранные механизмы модернити настроены на иной тип угроз, их мощь, ориентированная скорее на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит «в песок». Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессией институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных, неопределенных, эклектичных персонажей, распыленных по городам и весям, эти системы безопасности малоэффективны. Рождается феномен диффузных войн, то есть происходит диффузия временных границ, расплывчатых конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов силовых акций и боевых действий.

Купирование явления зависит не столько от успеха силовых (военных) операций («борьба с симптомами»), но главным образом от состояния среды. Методологическая доминанта нейтрализации угроз — сдвиг акцента от рефлекторной борьбы с проявлениями/следствиями феномена на разрушение потенциала антисистемы: подрыв патогенной среды обитания, социальная и финансовая ее стерилизация, создание контрпопуляций, внутривидовых конфликтов, матричный контроль, преадаптация. И одновременно — сублимация отдельных устойчивых проявлений феномена. Иначе говоря, борьба есть симбиоз в форме перманентного динамического контроля-диалога над ситуацией⁹.

⁹ См. Неклесса А. И. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5.

Высоко оцененный новым веком ресурс — произвольная, осмысленная и результативная гибель, обретая в комбинациях эпохи глобальные пропорции, реализуется не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ комплексной «культуры смерти», элементы которой включаются в рецептуру властных игр. Культура смерти — выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга и способность к массовой деструкции и автодеструкции, тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая определенные мировоззренческие коды и достижения цивилизации, проявляясь в широком диапазоне¹⁰. Она утверждает иную меру вещей: речь идет о легализации и культивации процедур, редуцирующее господствующее на планете мировоззрение, подвергая его инфляции, дегуманизируя социальную ментальность, предполагая не только разрешение форсмажорных ситуаций, но также их форсирование и преумножение.

Генезис и распространение культуры смерти — социализацию произвольной и эффективной автодеструкции — стимулируют:

- фрустрации различной этиологии (экономические, социальные, расово-этнические, конфессиональные), приводящие к психологическому перевороту: изменению пропорций в балансе жизни и смерти («эрос—танатос»);

- аксиологический кризис, проявляющийся в утопизме и фундаментализме, но воплощающийся в той или иной форме антиутопизма;

- метафизическая дезориентация, переворот в восприятии бытия, гностические и апокалиптические реминисценции.

Все это повышает вероятность радикального изменения условий существования: в пределе же подобная траектория может привести к закату цивилизации.

Культура смерти — рычаг перемен не только в пользу Крайнего Юга. Не один униженный Юг разрабатывает сегодня эти мрачные штольни: запретный ресурс приспособливают для своих нужд различные персонажи мировой кратии и анархии. И не только социальные причины — движитель сумрачного преобразования. Деструкция органично сопутствует в истории, она инкапсулирована психикой в метакультурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции: конструкция доминирует, а деструкция чаще прочитывалась как асоциальное действие, признавался лишь ее карательный аспект и сублимация как источник обновления.

Импульсы деструкции время от времени и в различных обликах нарушают балансировку мироустройства. В минувшем столетии — не только в ходе войн и революций, но и когда на волне избыточного, не покрываемого платежеспособным спросом производства запылали костры экономически обоснованного, однако социально нелепого уничтожения

¹⁰ См. Неклесса А. И. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник / под ред. Д. А. Андреева, А. И. Неклесса, В. Б. Прозорова. СПб.: Алетей, 2006.

результатов труда. Мании коллективных убийств, призывы к автоаннигиляции, эпидемии самоубийств время от времени охватывали жителей планеты, чье поведение начинало походить на исход леммингов. Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. Технологизация деструкции проявилась в индустриализации войн и стимулировании гиперпотребления. Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных механизмами массового уничтожения; завершение же века было омрачено гекатомбами Камбоджи, массовой резней в Руанде, Великой африканской войной. Самоубийство неоднократно публично характеризовалось как «акт свободы» (е. г. в 1978 году совершилось массовое «революционное самоубийство» 918 членов «Храма народов»), а террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, оказываются сегодня одной из примет времени, проводя свои акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Тема барьеров на путях умножения жизни и рукотворной смерти сопрягается с дебатами об ухудшении демографической ситуации — Malthusian trap, подводя к ревизии ценностей цивилизации и культуры¹¹. Сегодня несколько иначе прочитывается сентенция безумного философа: «высший интерес к восходящей жизни требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни»¹². На «земляничных полянах» современности ощутимо дыхание «экофашизма» — замыслов плавной либо радикальной депопуляции в диапазоне от самооскопления до биотерроризма. Допущение в мир рукотворного механизма повальной смерти можно усмотреть и в замысле «оружия Судного дня». Если же кто-то властный решается произнести: «правил нет, они не существуют», — хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития — разрушенным.

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония. Деспотизм обыденности скрывает агонию миропорядка, цивилизация все больше напоминает льдину, растворяющуюся в бурлящем житейском океане. Если «над

¹¹ «[культура смерти] распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом возникает “заговор против жизни”. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расплывая и разрушая отношения между народами и государствами» (Иоанн Павел II. Evangelium Vitae. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. 03.25.1995. — www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae).

¹² Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. — www.nietzsche.ru/works/main-works/idols/

жизнью нет судии» и все позволено — любой эксперимент в марксистском, ницшеанском либо фрейдистском духе, то логический конец истории — антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. Мир игры заселяется ботами и виртуальными персонажами: маски, обличья, обретая автономность, замещают реальность. Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической квазицивилизации — эпохи, когда смерть становится антропологическим полюсом — точкой отсчета реальности как подлинности и главного побуждения к действию: ценностно разработанным, социально и культурно насыщенным содержанием жизни.

По мере снятия все более глубинных препон, перекройки моральных границ происходит взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто. Утопию вытесняет дистопия, скудость жизни заменяет широта смерти. Мысль о допустимости и необходимости уничтожения человеческих толп — как функций враждебной матрицы либо как зомби-истерия, став за последние десятилетия привычной, ведет к легитимации планетарного жертвоприношения. И уже не самоорганизующиеся очаги нового порядка, но спонтанные всплески критичности будут определять состояние треснувшего земного ландшафта.

Холокост модернити («Зима уже близко!»)

Новая земля творится не ангелами, и сумерки креации исходят из очагов хаоса, глубин отчуждения, познанных человеком. Идеи и сценарии укрощения бытия, проклянувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерастить рамки локальных плясок смерти, обретая перспективу универсального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

Подобная диспозиция раздвигает ретроспективу, перетолковывая события XX века, истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа, Холокоста, Дрездена, Хиросимы, Пол Пота, Руанды...

В логике социализированной деструкции прочитывается и нечто интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения — состояния, когда управляемая смерть воспринимается как долг и апофеоз жизни. Пути истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть, подавляя личность, подвергает изощренному, прямому и косвенному геноциду будущее классов, наций, рас, конфессий, профессиональных либо социальных страт, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над режимом и низким небом обыденности. Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность — под сомнением. Ситуация, однако, была вскоре перетолкована,

и умные головы не только опознали в самоубийственной жертвенности новый вид оружия массового поражения, но обнаружили направление исторического творчества — связку отточенных скальпелей для хирургии грандиозных перемен.

У культуры смерти есть драматичный аспект — в трактовке смерти как жертвы, — также отвергающий присущую современному человеку траекторию успеха. К угрозе голодной смертью (прайа) как к последней инстанции протеста прибегали и в прошлые дни, и в наше время¹³. Но ситуация еще менее однозначна: «...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь»¹⁴. Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, «чье тело в земле, а дух — на небесах». И переходя в метафизические измерения, «осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом», сливаясь с жаждой избавления от могильных мук: «Ищите смерть там, где вы ожидаете ее найти, и материальный мир закончится, наступит жизнь потусторонняя, которая продлится вечно»¹⁵. И глубже: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью» (св. Игнатий Богоносец)¹⁶. Самопожертвование здесь — источник не смерти, а жизни¹⁷, жертва — цена обретения, битва же разворачивается в другой среде, участвуют в ней существа иной природы, равно отвергающие мир, но преследующие диаметрально противоположные цели, как противоположны любовь и ненависть.

Идея корректировки истории жертвой — та ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, в наши дни извратилась,

¹³ «В начале XX в. политические голодовки в Индии применялись широко и систематически в национально-освободительной борьбе индийцев против британского владычества. Они в первую очередь связаны с именем Мохандаса Карамчанда Ганди. Ганди рассматривал голодовки как один из методов движения сатьяграхи...» (Селиванова Т. П. Голодовки как этикетная форма // Этикет у народов Южной Азии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 215—228). К бессрочной голодной забастовке прибегали заключенные в ходе Ирландской революции 1919—1921 годов: Роберт Бирн, Терренс и Энн Максуйни. Терренс Максуйни, предвидя собственную кончину, говорил: «Моя смерть сделает больше для разрушения Британской империи, чем мое освобождение». Ближе к нашим дням к бессрочной голодовке прибегали заключенные различных политических ориентаций: «ирландская десятка», Мустафа Джемилев, Анатолий Марченко, Гильермо Фариньяс, Андрей Деревянкин, Максим Марцинкевич, Надежда Савченко.

¹⁴ Из письма Джона Брауна, написанного в ночь перед казнью.

¹⁵ См. Аль-Бадри И. Мы дойдем до Рима. Обращение халифа Ибрагима к правоверным. 09.06.2014. — www.kuzbassislam.ru/news-58141.html

¹⁶ См. Шмеман А. Д. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1953.

¹⁷ Самопожертвование из действия, привлекающего смерть, осознается по примеру Христа актом спасения: «смертию смерть поправ, смертию смерть разрушив». «Призвав святого Игнатия, Траян пытался то лестью, то угрозами склонить его подчиниться царскому указу и принести жертвы языческим божествам. “Не временных ищу благ, — отвечал святой, — но единых и вечных, чтобы прийти ко Христу, Богу моему, принявшему за меня смерть”» (Священномученик Игнатий Богоносец // Православный церковный календарь. 2007. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 22—23).

обретая карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистичное по отношению к человеку мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицая претензию личности на обустройство тварного мира и само право на бытие. Путеводные нити цивилизации, ее выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводаемыми на язык повседневности, либо прочитываются догматично или метафорично, произвольно и разноречиво. И толкуются *ad hoc*, то есть конъюнктурно. Удержание основ, «зерен» современного строя становится непосильным бременем. Добровольная жертва служит теперь метафизическим оправданием смерти, а письма, возникающие на ткущихся и вновь распускаемых холстах, заметно отличаются от языковой нормы и вязи секулярной культуры, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невятицу: *мене, текел, упарсин*.

Речь идет о конечной станции истории, ее переоценке и пришествии серьезной альтернативы — контртезиса цивилизации, но уже не как нелегальной, террористической акции-агрессии, а открытого противостояния постсекулярного мировидения, обладающего чертежами собственного опрокинутого строя. Другими словами, о реабилитации негативной диалектики истории. Плавающие руны — зарницы Нового мира — освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду модернити. И хотя процесс грандиозного преобразования в некоторых частях планеты не слишком заметен, в других он видится яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмовых зернах — вестниках приблизившихся бурь и перемен. ◆